
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 821.112.2.09.16'-1+821.411.16'02.09-141

ДИАЛОГ С ЭККЛЕСИАСТОМ В ПОЭЗИИ ПАУЛЯ ФЛЕМИНГА

Г. В. СИНИЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется рецепция Книги Экклесиаста (Екклесиаста) в поэзии Пауля Флеминга (1609–1640), одного из крупнейших поэтов немецкого барокко. Показано, что в творчестве Флеминга наглядно репрезентированы важнейшие темы и стилевые приметы барокко – прежде всего стремление к исследованию парадоксов и антиномий бытия и сознания, контрастное соединение трагизма и гедонизма, пессимизма и веры в стойкость человеческого духа. Важной составляющей художественного мира немецкого поэта является его диалог с Библией, особенно с Книгой Псалмов и Книгой Экклесиаста. Как и Экклесиаст, П. Флеминг перед лицом очевидной бессмысленности жизни ищет ее смысл и обретает его в честном труде, дружбе, любви, в верности Богу и самому себе. Пафос нравственного долга и веры, вопреки очевидной абсурдности мира, объединяет библейского мудреца и немецкого поэта. Доказано, что аллюзии на Книгу Экклесиаста чаще всего присутствуют в текстах Флеминга имплицитно и вводятся знаковыми словами-концептами. В первую очередь это слова *eitel* и *Eitelkeit*, несущие в себе тот же спектр значений, что и генеральный концепт Экклесиаста – *hāḇāl* ‘все быстро исчезающее’, ‘дуновение’, ‘бренность’, ‘суетность’, ‘напрасность’, ‘тщетность’, ‘абсурдность’. Как и у Экклесиаста, важнейшими концептами поэзии Флеминга являются также *человек*, *Бог*, *время*, *вечность*. Утверждается, что Книга Экклесиаста – один из наиболее значимых архетекстов поэзии П. Флеминга, т. е. смысло- и текстопорождающий текст, в диалоге с которым он выстраивает свой художественный мир.

Ключевые слова: немецкая поэзия барокко; творчество Пауля Флеминга; Библия; Книга Экклесиаста; диалог текстов; архетекст; аллюзия; концепт.

Образец цитирования:

Синило ГВ. Диалог с Экклесиастом в поэзии Пауля Флеминга. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2019;2:5–19.

For citation:

Sinilo GV. The dialogue with of Ecclesiastes in Paul Fleming's poetry. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2019;2:5–19. Russian.

Автор:

Галина Вениаминовна Синило – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций, доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета.

Author:

Galina V. Sinilo, PhD (philology), docent; professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communication, and associate professor at the department of foreign literature, faculty of philology.
sinilo@mail.ru

ДЫЯЛОГ З ЭКЛЕЗИЯСТАМ У ПАЭЗІІ ПАЎЛЯ ФЛЕМІНГА

Г. В. СІНІЛА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца рэцэпцыя Кнігі Эклезіяста ў паэзіі Паўля Флемінга (1609–1640), аднаго з выдатных паэтаў нямецкага барока. Паказана, што ў творчасці Флемінга яскрава рэпрэзентаваны найважнейшыя тэмы і стылявыя прыкметы барока – перш за ўсё імкненне да даследавання парадоксаў і антыномій быцця і свядомасці, кантраставае злучэнне трагізму і геданізму, песімізму і веры ў стойкасць чалавечага духу. Важным складнікам мастацкага свету нямецкага паэта з’яўляецца яго дыялог з Бібліяй, асабліва з Кнігай Псалмоў і Кнігай Эклезіяста. Як і Эклезіяст, П. Флемінг перад тварам відавочнай бессэнсоўнасці жыцця шукае і знаходзіць яго сэнс у сумленнай працы, дружбе, каханні, у вернасці Богу і самому сабе. Пафас маральнага абавязку і веры, насуперак відавочнай абсурднасці свету, яднае біблейскага мысляра і нямецкага паэта. Даказана, што алюзіі на кнігу Эклезіяста найчасцей прысутнічаюць у тэкстах Флемінга імпліцытна і ўводзяцца знакавымі словамі-канцэптамі. Гэта найперш словы *eitel* і *Eitelkeit*, якія нясуць у сабе той жа спектр значэнняў, што і генеральны канцэпт Эклезіяста – *hābāl* ‘усё, што хутка знікае’, ‘подых’, ‘тленнасць’, ‘марнасць’, ‘дарэмнасць’, ‘пустое’, ‘абсурднасць’. Як і ў Эклезіяста, найважнейшымі канцэптамі паэзіі Флемінга з’яўляюцца таксама *чалавек*, *Бог*, *час*, *вечнасць*. Сцвярджаецца, што Кніга Эклезіяста выступае адным з найбольш значных архетэстаў паэзіі П. Флемінга – сэнса- і тэкстаспараджальным тэкстам, у дыялогу з якім ён выбудоўвае свой мастацкі свет.

Ключавыя словы: нямецкая паэзія барока; творчасць Паўля Флемінга; Біблія; Кніга Эклезіяста; дыялог тэкстаў; архетэст; алюзія; канцэпт.

THE DIALOGUE WITH OF ECCLESIASTES IN PAUL FLEMING’S POETRY

G. V. SINILO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This research paper investigates the reception of *The Book of Ecclesiastes* in the poetry of Paul Fleming (1609–1640), one of the most significant poets of German Baroque. We show that Fleming obviously represents the main topics and stylistic features of – first of all the aspiration for researching paradoxes and antinomies of objective reality and consciousness, contrasting junction of tragedy and hedonism, pessimism and faith in firmness of human spirit. The important component of artistic world of the German poet is his dialogue with the Bible, especially with *The Book of Psalms* and *The Book of Ecclesiastes*. As well as Ecclesiastes, Paul Fleming tries to find the purpose of life in the face of its evident senselessness and acquires it in an honest livelihood, friendship, love, faithfulness to God and to his own. The spirit of moral duty and faith in spite of obvious absurdity of the world unites the biblical sage and the German poet. We prove that the text of *The Book of Ecclesiastes* is present in Fleming’s texts implicitly, by the means of allusions, which are introduced by indicative words-concepts. First of all, these are such words as *eitel* and *Eitelkeit*, including the same range of meanings as the general concept of *The Book of Ecclesiastes* – *hābāl*, ‘all that vanishes’, ‘breath’, ‘frailty’, ‘vanity’, ‘fruitlessness’, ‘futility’, ‘absurdity’. The main concepts of Fleming’s poetry, as well as in *The Book of Ecclesiastes*, are also *man*, *God*, *time* and *eternity*. We assert that *The Book of Ecclesiastes* is one of the most important archetexts of P. Fleming’s poetry – meaning- and text-generating texts. In the dialogue with this text the poet develops his artistic world.

Keywords: German poetry of Baroque; poetry of Paul Fleming; The Bible; *The Book of Ecclesiastes*; dialogue of texts; archetext; allusion; concept.

Введение

Пауль Флеминг (*Paul Fleming*, 1609–1640) – один из талантливейших немецких поэтов XVII в. Его жизнь оборвалась слишком рано, в возрасте 30 лет, и он, безусловно, не успел до конца реализовать свое яркое и разностороннее дарование. Однако и то, что сделал Флеминг, поставило его имя в один ряд с крупнейшими немецкими поэтами эпохи – М. Опицем, Ф. фон Логау, А. Грифиусом, К. Г. фон Гофманс-вальдау. Ученик Опица, поэт основанной им Первой силезской школы, Флеминг, в отличие от учителя, теоретика немецкого классицизма, соединившего в поэзии черты классицизма и барокко, был более ярко

выраженным поэтом барокко. В его поэзии наглядно репрезентированы важнейшие темы и стилевые приметы барокко – прежде всего стремление к исследованию парадоксов и антиномий бытия и сознания, контрастное соединение трагизма и почти безудержного гедонизма, пессимизма и веры в стойкость человеческого духа, апелляция к разуму, аналитичность и чувственная яркость, повышенная эмоциональность, усложненная метафоричность, эмблематичность. Важной составляющей художественного мира Флеминга является его диалог с Библией, особенно с Книгой Псалмов и Книгой Экклесиаста, которую в целом можно определить как «осевой» архетекст поэзии барокко (см. об этом подробнее [1]). Творчество П. Флеминга достаточно хорошо изучено в немецком литературоведении¹. В советской науке к нему обращались только Б. И. Пуришев [7; 8] и М. П. Алексеев [9, с. 369–371], и лишь в последнее время оживился интерес российских литературоведов к наследию поэта (А. Г. Майданов [10], С. М. Шаулов [11–13], О. С. Рахманина [14]), которое совершенно не изучено в белорусской науке. При этом проблема библейской архетекстуальности в поэзии П. Флеминга, в том числе и проблема диалога с Экклесиастом, до сих пор не становилась предметом специального рассмотрения ни в зарубежном, ни в белорусском литературоведении.

Цель данного исследования – выявление мотивов Экклесиаста и установление их функций в поэзии П. Флеминга. **Философской и теоретической базой** исследования являются философия диалога М. Бубера и опирающаяся на нее концепция диалога культур (и особенно «диалога текстов») М. М. Бахтина и В. С. Библера, а также обязанный последней теория интертекстуальности (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Женетт). Кроме того, важной теоретической основой исследования является концепция А. В. Михайлова, интерпретирующего барокко как «завершение риторической эпохи» (см. [15; 16]). **Методология** исследования опирается на завоевания культурно-исторической школы и школы «Новой (Органической) критики». В исследовании применяются компаративный и герменевтический методы, а также методы структурного и целостного анализа текста.

Результаты и их обсуждение

Пауль Флеминг родился в Саксонии, в Гартенштейне, в семье пастора. Он учился в Лейпциге, в латинской школе св. Фомы, затем изучал медицину в Лейпцигском университете. Флеминг писал стихи на латинском и немецком языках. При жизни было напечатано совсем немного: в 1631 г. в Лейпциге были опубликованы сборник любовных стихотворений на латыни и небольшое собрание переложений библейских Псалмов под названием «Давида, древнееврейского царя и пророка, покаянные Псалмы, и Манассии, царя Иудеи, молитва, когда он был уведен в Вавилонский плен. Паулем Флемингом переложены в немецкие стихи» («Davids, des Hebreischen Königs vnd Propheten, Buszpsalme, vnd Manasse, des Königs Juda, Gebet, als er zu Babel gefangen war. Durch Paull Flemmingen in deutsche Reyme gebracht»²). Так определились два основных крыла поэзии Флеминга – латинское и немецкое, ярко-чувственное и религиозно-духовное. Впрочем, в последующем своем развитии поэт соединит оба начала в своих немецких стихотворениях, которые в наибольшей степени выдержали испытание временем.

Спасаясь от бедствий войны и влекомый присущей ему любознательностью, Флеминг в 1633–1639 гг. по приглашению своего друга Адама Олеариуса, или Олеария (*Adam Olearius*; настоящее имя – *Oelschlöger*), известного востоковеда, знатока арабского и персидского языков, этнографа, поэта и дипломата, секретаря Голштинского посольства, принимает участие в экспедиции Голштинского дипломатического и торгового посольства через Россию в Персию. В августе 1633 г. посольство прибыло в Москву и было принято царем Михаилом Федоровичем, первым из династии Романовых. Голштинцы познакомились с Россией до весны 1635 г. Встреча с этой страной, ее городами, реками и огромными пространствами поразила Флеминга и вызвала к жизни довольно большой «русский» цикл. В первую очередь это сонеты, посвященные Москве и написанные с поистине барочной торжественностью и пышностью. Златоглавая Москва предстает в них как *Принцесса (Prinzessin)*, *Благородная Царица городов россов (Du edle Kaeyserinn der Städte der Ruthenen* [17, S. 524]), красотой которой восхищается поэт. Но главное – над этим городом безоблачное небо. Помня о бедах, терзающих родную Германию, поэт желает Москве и всей русской земле мира и благоденствия. Показателен сонет, написанный перед отъездом из Москвы во время первого посещения России, – «Великому городу Москве, когда он с ней расставался» («An die große Stadt Moskau, als er schied»; в переводе Л. Гинзбурга – «Великому городу Москве, в день расставания»):

¹ Укажем лишь наиболее значительные работы последних десятилетий: Х. Энтнер [2], М. С. Поль [3], Р. Пиетрас [4], М. Тарвас [5], С. Аренд, К. Ситтиг [6].

² Здесь и далее сохраняется оригинальная орфография текстов XVII в.

*Prinzessin deines Reichs, die Holstein Mume nennt,
du wahre Freundin du, durch welcher Gunst wir wagen,
was Fürsten ward versagt und Kön'gen abgeschlagen,
den Weg nach Aufgang zu, wir haben nun erkennt,*

*wie sehr dein freundlichs Herz in unsrer Liebe brennt.
Die Treue wollen wir mit uns nach Osten tragen,
und bei der Wiederkunft in unsern Landen sagen,
das Bündniß ist gemacht, das keine Zeit zertrennt.*

*Des frommen Himmels Gunst, die müsse dich erfreuen,
und alles, was du tust, nach Wundsche dir gedeien,
kein Mars und kein Vulkan dir überlästigt sein!*

*Nim itzo diß Sonnet. Komm ich mit Glücke wieder,
so will ich deinen Preis erhöhn durch stärkre Lieder,
daß deiner Wolgen Schall auch hören sol mein Rhein*
[17, S. 472–473].

*Краса своей земли, Гоштинини родня,
Ты дружбой истинной, в порыве богоравном,
Заказанный иным властителям державным,
Нам открываешь путь в страну истоков дня.*

*Свою любовь к тебе, что пламенней огня,
Мы на Восток несем, горды согласьем славным,
А воротясь домой, поведаем о главном:
Союз наш заключен! Он прочен, как броня!*

*Так пусть во все века сияет над тобою
Войной не тронутое небо голубое,
Пусть никогда твой край не ведает невзгод!*

*Прими пока сонет в залог того, что снова,
На родину придя, найду достойней слово,
Чтоб услышал мой Рейн напевы волжских вод³*
[18, с. 91].

Безусловно, с путешествия голштинцев и поэзии Флеминга начинается история немецко-русских культурных и литературных взаимосвязей. У Флеминга в качестве символов связи культур выступают реки, и, когда поэт говорит о соединении в его стихах Волги и Рейна, он говорит об общении и взаимообогащении культур. Под пером Флеминга едва ли не впервые в мировой литературе обретают живое и полнокровное звучание темы интернационализма, братства народов поверх барьеров, диалога культур. В сонете «На слияние Волги и Камы, в двадцати верстах от Самары» («Über den Zusammenfluß der Wolgen und Kamen, 20. Werste unter Samaren»), написанном 17 августа 1636 г., поэт провозглашает нерушимость союза между Голштинией и Россией. Сам корабль голштинцев, плывущий по волнам русских рек, становится овеществленной метафорой дружеского союза двух стран:

*Kommt, schauet dieses Schiff, von dem ganz Reußen spricht,
auch diß ist eine Zier der ersten meines Landes,
des treuen Holsteins Pfand, der Knoten eines Bandes,
das zwischen mir und ihm in Ewigkeit nicht bricht⁴* [17, S. 477].

Л. Гинзбург передает последние строки несколько упрощенно, но афористично: *Гоштинини сыны, мы здесь – не на чужбине: / Незыблем наш союз и до скончанья лет!* [18, с. 92]. Глядя на величественное зрелище слияния двух рек, поэт просит Каму не пожалеть своих вод и перелить их в Волгу, ведь ее воды будут питать дальше русские поля и леса:

*Die Wolge fließt vorweg, bestellt die Sicherheit,
beut auf gut Glück und Heil, setzt Wolfahrt ein und schreit,
daß Anfall, Mord und Raub ihr beides Ufer räume*
[17, S. 477].

*И Волга, обновясь, свой да ускорит бег,
Призвавши благодать на тот и этот брег,
Чтоб глад, и мор, и смерть их ввек терзать не смели*
[18, с. 92].

В 1634 г. Флеминг около полугода прожил в Новгороде и написал небольшую поэму-идиллию «В Великом Новгороде россов» («In Gross-Neugart der Reussen») о жизни новгородского крестьянина. Как и положено в идиллии, в поэме представлена идеализированная картина мирного труда на фоне прекрасной природы (при этом Флеминг сохраняет выразительные детали крестьянского быта). Эта идеализация – дань не только жанровой специфике: поэт противопоставляет картины мирной жизни ужасам войны, которые творятся на его родине; в этом свете жизнь русского крестьянина видится ему почти как осуществленная утопия, в которой он ищет отдохновения своей измученной душе.

Получив в России разрешение на торговлю с Персией через Россию, Голштинское посольство в апреле 1635 г. вернулось на родину и в октябре того же года в расширенном составе выехало из Гамбурга во второе путешествие. На этот раз только в марте 1636 г. голштинцы после многих приключений прибыли в Москву (какое-то время члены экспедиции провели в Ревеле (ныне – Таллин), где Флеминг создал поэтический кружок и побудил эстонских поэтов писать по-немецки и на родном языке⁵).

³Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, стихи П. Флеминга цитируются в переводах Л. Гинзбурга.

⁴«Придите, посмотрите на этот корабль, о котором вся Русь говорит, / это также краса первых [людей] моей страны, / залог верной Голштинии, узел союза, / который вечно нерушим между мною и ею» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г. С.).

⁵Как отмечают эстонские исследователи, благодаря П. Флемингу в первых опытах светской поэзии на эстонском языке сказались уроки его учителя М. Опица (см. [19, с. 383]).

30 июня 1636 г. посольство отправилось из Москвы вплавь по Москве-реке, затем по Оке до Нижнего Новгорода, оттуда – вниз по Волге до Астрахани. В ноябре 1636 г. путешественники потерпели кораблекрушение на Каспийском море. Им пришлось продолжить путь по кавказскому берегу до персидской границы. 3 августа 1637 г. экспедиция достигла Исфахана – столицы Персии. Здесь голштинцы пробыли до 20 декабря того же года.

Восточные впечатления были крайне важны для Флеминга, они существенно расширили его духовные и поэтические горизонты, как и горизонты немецкой культуры в целом. Впервые в европейской поэзии именно Флеминг и его друг Олеарий предприняли попытку освоить персидские мотивы (прежде всего мотивы «Гюлистана» Саади), и этот опыт будет немаловажен для Гердера и Гёте (особенно для его «Западно-восточного дивана»). И все же именно Германия всегда оставалась в центре поэтических усилий Флеминга. В разлуке он ощущает особенно глубинную связь с родиной и приходит к новаторскому решению патриотической темы. В одном из лучших своих сонетов – «К Германии» («An das Deutschland») – поэт, обращаясь к родине как к матери, корит себя за то, что позволил себе в тяжкий час покинуть ее:

*Ja Mutter, es ist wahr. Ich habe diese Zeit,
die Jugend mehr als faul und übel angewendet.
Ich hab' es nicht getan, wie ich mich dir verpfändet.
So lange bin ich aus und denke noch so weit* [17, S. 474].

*Мать-родина! Прости! Жар любопытства влек
Меня из края в край. Я не избег соблазна
И покидал тебя ни с чем несообразно,
Но ничего с собой поделатъ я не мог* [18, с. 93].

Но и в разлуке поэт остается сыном Германии, ведь связь между матерью и сыном не может быть разорвана до конца. Поэт уподобляет себя «слабому судну» (*ein schwaches Boot*), привязанному к большому кораблю (*ans große Schiff*), и приходит к выводу, что родина не только территориальное понятие – родину человек носит в себе самом:

*Ich bin ein schwaches Boot ans große Schiff gehangen,
muß folgen, wie und wenn und wo man denkt hinaus,
ich wil gleich oder nicht. Es wird nichts anders draus.*

*Я лодка малая, привязанная к судну,
Хочу иль не хочу, а следую за ним.
И все же навсегда я остаюсь твоим.*

*Indessen meine nicht, o du mein schwer Verlangen,
ich denke nicht auf dich und was mir Frommen bringt.
Der wonet überall, der nach der Tugend ringt!* [17, S. 474].

*Могу ли я тебя отвергнуть безрассудно?
И в поисках пути, в далекой стороне,
Я смутно сознаю: я дома – ты во мне...* [18, с. 93].

Так и не добившись каких-либо существенных результатов в персидской столице, посольство отправилось обратно тем же путем – через Кавказ и Астрахань, вверх по Волге, Оке, Москве-реке до Москвы, оттуда – в Голштинию, и 30 июля 1639 г. путешественники вернулись в Гамбург, где Флеминг вскоре тяжело заболел и умер 31 марта 1640 г. За три дня до своей кончины поэт написал собственную «Эпитафию» («Herrn Pauli Flemingi der Med. Doct. Grabschrift»), в которой с необычайным мужеством выразил перед лицом смерти готовность уйти из этого мира с чувством исполненного долга, ощущая себя до конца, даже в смерти, живым, веря, что он не будет забыт, что его поэзия будет звучать, пока существует земной мир:

*Ich war an Kunst und Gut und Stande groß und reich,
des Glückes lieber Sohn, von Eltern guter Ehren,
frei, meine, kunte mich aus meinen Mitteln nähren,
mein Schallfloh über weit, kein Landsman sang mir gleich,
von Reisen hochgepreist, für keiner Mühe bleich,
jung, wachsam, unbesorgt. Man wird mich nennen hören,
bis daß die letzte Glut diß Alles wird verstören.
Diß, deutsche Klarien, diß Ganze dank' ich euch.*

*Я процветал в трудах, в искусствах и в бою,
Избранник счастья, горд именитым родом,
Ничем не обделен – ни славой, ни доходом.
Я знал, что звонче всех в Германии пою.*

*Verzeiht mir, bin ichs wert, Gott, Vater, Liebste, Freunde,
ich, sag' ench gute Nacht und trete willig ab.
Sonst Alles ist getan bis an das schwarze Grab.*

*Влекомый к странствиям, блуждал в чуждом краю.
Беспечен, молод был, любим своим народом...
Пусть рухнет целый мир под нашим небосводом,
Судьба оставит песнь немецкую мою!*

*Was frei dem Tode steht, das tu er seinem Feinde.
Was bin ich viel besorgt, den Othem aufzugeben?
An mir ist minder Nichts, das lebet, als mein Leben* [17, S. 460].

*Прощайте вы, Господь, отец, подруга, братья!
Спокойной ночи! Я готов в могилу лечь.
Коль смертный час настал, то смерти не перечь.
Она зовет, себя готов отдать я.*

*Не плачьте ж надо мной на предстоящей тризне.
Все умерло во мне... Все... Кроме искры жизни* [18, с. 93–94].

Собрание «Немецких стихотворений» Флеминга («Teütsche Poemata», 1646) было издано после его смерти А. Олеарием, который опубликовал также и сборник латинских стихотворений своего друга –

«Новые эпиграммы» («Novi Epigrammata», 1649). Олеарий также включил стихотворения, написанные Флемингом во время их совместного путешествия, в качестве поэтических иллюстраций в свою ставшую широко известной книгу «Описание нового путешествия на Восток» («Beschreibung der neuen Orientalischen Reise», 1647).

Поэзия Флеминга намного пережила его эпоху и оказалась созвучной мыслям и чувствам человека XX–XXI вв. Произошло это во многом потому, что поэт чрезвычайно точно выразил свое время, его радости и скорби, его трагические противоречия. Более того, он глубоко проник в загадку самого времени, пожалуй, больше всего тревожившую его современников, как и вообще людей разных эпох. Сделать это ему во многом помог диалог с Экклесиастом, для которого проблемы смысла жизни, возможности или невозможности полноты счастья в этом бренном мире, его противоречивости и абсурдности, непостижимости Бога и Его замыслов являются ключевыми, а концепт «время» – одним из важнейших. Какой путь должен выбрать человек, чтобы его хрупкая жизнь обрела смысл, перестала быть «суею», «тщетой»? Как сохранить верность Богу и самому себе в мире, где царит несправедливость и где, кажется, Божий Промысел неощутим или таинственно сокрыт? Возможно ли радоваться этому миру, если он во многом призрачный, неподлинный, тщетный, абсурдный? Эти и другие вопросы, поставленные Экклесиастом (см. подробнее [20]), были чрезвычайно актуальны для П. Флеминга и его эпохи. В сонете «Все тщетно» («Daß Alles eitel sei»), само название которого паратекстуально отсылает к Экклесиасту, поэт говорит:

*Was, sprichst du, ist es wol, darauf du dich bemühst?
Kunst, Ehre, Reichtum, Lust, die Lüften gleich und Güssen
mit uns selbst schießen hin? Ich auch, Freund, bin geflissen
auf eben diesen Sinn, auf den du weislich siehst.*

*Ich weiß es mehr als wol, daß Alles eitel ist.
Wie aber kömmt es doch, daß wider unser Wissen
wir etwas, das nicht ist, doch schöne heißen müssen,
daß der ein Anders tut, ein Anders ihm erliest?*

*In Unvollkommenheit vollkommen werden wollen,
das machet unsern Sinn auf Neues so geschwollen,
erfüllet auf den Schein, am leichten Winde schwer,*

*an vollem Mangel reich. Wer kan von Herzen sagen:
Ich bin vergnügt in mir, weiß weder Lust noch Klagen.
Wie eitel Alles ist, der Mensch ist eitel mehr!⁶ [17, S. 446].*

Этот сонет является самым настоящим соразмышлением Экклесиасту, который начинает серию своих горьких вопросов вопросом о тщете всех усилий и трудов человека: «Что пользы человеку от всех его трудов, над которыми трудится он под солнцем?» (Еккл 1:3) [21, с. 41]⁷. Бесконечно повторяя, что все суе (таков традиционный перевод на русский язык многозначного генерального экклесиастовского концепта *hābāl* ‘пар’, ‘дыхание’, ‘дуновение’, ‘пустота’, ‘ничто’, ‘ничтожность’, ‘суеа’, ‘тщета’, ‘напрасность’, ‘абсурдность’⁸), более того – «суеа суе» (*hābāl hābālīm* – форма превосходной степени в иврите, означающая в данном случае высшую форму суеа), библейский мудрец рассматривает все земные дела и намерения человека как формы суеа. Но вопреки этой суеа (точнее, тщете) он устремлен к высшему смыслу, который невозможен без Бога (*И о своем Создателе помни с юных дней... (Еккл 12:1) [21, с. 64]; Бога бойся, храни Его заветы... (Еккл 12:13) [21, с. 66]*). Бог сотворил прекрасный мир, который лишь человек превращает в мир суеа, в юдоль страданий. Задача человека – быть верным себе и Богу, довольствоваться собой и простыми, но вечными ценностями жизни – дружбой, любовью, трудом, который приносит радость: *Вот что я увидел благим и прекрасным: / Есть и пить, и видеть благо в своих трудах – / Над чем кто трудится под солнцем / В считанные дни своей жизни, что дал ему Бог... (Еккл 5:17) [21, с. 51–52]*. Многие идеи Экклесиаста перекликаются с учением античных стоиков, но еще более – со стоицизмом Нового времени, согласно которому главную опору

⁶ «Что, говоришь ты, есть то благое, к чему ты стремишься? / Искусство, слава, власть, наслаждение, которые, подобно ветрам и ливням, / стремительно от нас уходят? Я также, друг, прилежно следую / тому смыслу, на который ты мудро указываешь. // Я знаю: более чем благо то, что все тщетно. / Но как же получается, что, вопреки нашему знанию, / мы нечто, что не является таковым, называем прекрасным, / что то, что делает один, отбирает другой? // Чтобы в несовершенстве стать совершенными, / мы должны наполнить себя новым смыслом, / исполниться сиянием веселее легкого ветра, // богаче любой нехватки. Кто может от всего сердца сказать: / Я довольствуюсь собой, не будет подвластен ни радости, ни печали. / Как тщетно все, человек тщетен более всего!»

⁷ Здесь и далее Книга Экклесиаста цитируется в переводе выдающегося российского ассириолога и гебраиста И. М. Дьяконова.

⁸ О спектре значений слова *hābāl* в Библии в целом и у Экклесиаста см. подробнее [20, с. 105–109].

человек должен искать не только в себе самом, но прежде всего в Боге. Этот момент еще более акцентирует в своем сонете Флеминг, опираясь на мистические учения Майстера Экхарта и особенно Якоба Бёме⁹, полагающих, что человек обретает Бога в глубинах собственного духа и только тогда может избежать тщеты, когда рождает Бога в себе самом, наполняет душу Божественным светом. Это то сияние, о котором говорит немецкий поэт в финале своего сонета.

Художественный мир Флеминга отличается контрастным, антиномичным – в духе барочного принципа *discordia concors* – соединением несоединимого. С одной стороны, он поражает невероятным буйством красок, неистовостью и щедростью чувств, необычайным жизнелюбием, с другой – острым ощущением хрупкости и трагизма бытия. С одной стороны – удивительная цельность мировосприятия, с другой – разорванность и метания духа. Но и через эти метания душа поэта стремится к целостности, гармонии с собой и миром. Все это присуще и миру Экклесиаста, который сквозь горькие смыслоутраты ищет смысл бытия и, говоря о тщетности жизни, призывает наслаждаться ее простыми радостями, хранить верность Богу и Его заповедям.

Поэзия Флеминга отличается удивительным жизнелюбием. В ней очень сильны гедонистические мотивы, особенно в любовно-эротической поэзии (например, стихотворение «Как бы он хотел, чтобы его целовали» («Wie Er wolte geküsst seyn»), в котором поэт продолжает традицию «стихов о поцелуях», или «*basia*-стихотворений», начатую еще Катуллом). В любовной лирике Флеминга при всем внешнем следовании канонам Петрарки (особенно в сонетах, написанных на латинском языке) заявлена, как и у Дж. Марино, антипетраркистская позиция, полемически направленная против эпигонов Петрарки: поэт прославляет земную страсть, любовь в единстве духовного и телесного начал. При этом он опирается на ту концепцию любви, которая представлена в Песни Песней, и словно бы выполняет наказ Экклесиаста:

Так ешь же в радости хлеб твой и с легким сердцем пей вино – / Ибо угодны Богу твои деянья. / Во всякое время да будут белы твои одежды, / И пусть не оскудевает на голове твоей умощенье; // Наслаждайся жизнью с женщиной, которую любишь, / Во все дни твоей тщетной жизни, / Которые дал тебе Он под солнцем... (Еккл 9:7–9) [21, с. 59–60]; Радуйся, юноша, молодости своей, / И в дни юности твоей да будет сердцу благо: / Иди по пути, которым влечет тебя сердце... (Еккл 11:9) [21, с. 64].

Характеризуя художественный мир Флеминга, Б. И. Пуришев пишет: «Мир выступает у Флеминга в праздничных одеждах. Приветствуя новобрачных, на землю льются солнечные лучи; набухло чрево земли перед близкими родами; вздымается зеленое озеро; источники брызжут из земных жил, принарядились долины, изукрашились поляны, блещет убранство гор; растут “волосы лесов”; и небо и солнце, поля и озера, источники, сады и скалы, долины, леса и горы – все поет сладостную брачную песню (сонет “На одну свадьбу”). Любовь обновляет землю. Она повсюду. И поэт погружается в радости любви, как в необъятное море. Оно несет его на своих высоких волнах. Возлюбленная дорожка для него всех сокровищ мира (“Похвальное слово одной”). О, как хотел бы он, чтобы все его тело стало сплошным ртом, созданным для поцелуев! (“К ее устам”). Но не только хмельная любовь влечет к себе поэта. Его радуют и восхищают звуки, ароматы и краски раскинувшейся вокруг него Вселенной. Природа несет ему тучные гирлянды своих плодов. И Флеминг, как истинный язычник, приемлет эти роскошные дары природы. Он слышит голоса дриад, ореад и сильванов. Он видит, как плещутся в речной воде наяды. Ведь он, как язычник, влюблен в красочное великолепие мира. Не случайно он так любит цветы. Цветы сплетаются у него в роскошные венки. Май разукрашивает цветами девичьи щеки (“Для одной девушки”). Мир не существует для него без красочного убранства» [8, с. 240].

Отдавая должное этой яркой, праздничной – в духе самого поэта – характеристике его творчества, позволим себе заметить, что вряд ли можно всерьез говорить о язычестве Флеминга (разве только метафорически). Его мироощущение окрашено сильными тонами панентеизма: за каждым явлением тварного мира стоит Творец, присутствие Которого человек не только постигает разумом через мудрые законы природы, но прежде всего через интуитивное вчувствование и эмоциональное постижение красоты мира. Во многих стихотворениях Флеминга, кажущихся лишь прославлением чувственных радостей бытия и внешнего великолепия мира, сквозят мистические подтексты. Однако и в самом упоении жизнью у Флеминга ощущается щемяще-тревожная нота: он ни на мгновение не забывает, что все чувственное великолепие мира, все живое обречено уйти, исчезнуть, что земная жизнь предельно коротка; к тому же катастрофическое время, властно вторгающееся в сверкающий мир, созданный воображением поэта, усиливает ощущение бренности, дисгармоничности, абсурдности мира. Б. И. Пуришев отмечает: «При всем том в языческой поэзии Флеминга есть нечто тревожное. Уж очень напряжены его

⁹О важности для Флеминга мистической философии Я. Бёме см. подробнее [13].

страсти, уж очень афиширует поэт свое клокочущее жизнелюбие, как будто стремится оглушить себя каскадом чувственных радостей. Ведь жить приходилось Флемингу в свирепое, мрачное время. Поэтому за взрывами бурного веселья у него неотступно таится мысль о быстротечности, уязвимости всего земного, и он призывает возлюбленную ловить краткие миги наслаждения (“Побуждение к радости”). <...> В упоении воспев солнце радости и радость солнца, Флеминг заявляет, что душа человека больна (сонет “Он все свершил достойно”), и в приступе меланхолии даже отрекается от мира, который он так любил, называя его “чадом”, скоплением вредных паров (сонет “Новое намерение”). С вакхическим сенсуализмом сталкивается у Флеминга религиозное отречение. Так дух барокко, порожденный трагизмом немецкой жизни, овладевает поэзией талантливого оппонианта» [8, с. 240].

Действительно, через поэзию Флеминга говорит сам дух барокко с его контрастами, с присущими ему в равной степени гедонизмом и аскетизмом, чувственностью и мистицизмом, с его судорожными, экзотическими порывами и метаниями. В упомянутом Б. И. Пуришевым сонете «Новое намерение» («Neuer Vorsatz») наглядно и показательно для барокко сталкиваются самый отчаянный пессимизм, ощущение бессмысленности этого мира, который не более чем «чад», «мгла» (*Dunst*) и с которым хочется распрощаться как можно быстрее (эта мысль неоднократно звучит и у Экклесиаста), и столь же отчаянная вера в силу человеческого духа, способного вырваться из тисков тщеты, – при условии, что человек сможет, отринув собственный эгоизм, собственную волю, исполниться волей Божьей – Высшим Благом:

*Hin, Welt, du Dunst; von itzt an schwing' ich mich
frei, ledig, los, hoch über mich und dich
und Alles das, was hoch heißt und dir heißet.*

*Das höchste Gut erfüllet mich mit sich,
macht hoch, macht reich. Ich bin nun nicht mehr ich.
Trutz dem, das mich in mich zurücke reiße!*¹⁰ [17, S. 449].

Речь идет о порыве человеческого духа из тисков плоти к Богу, о вожделенном для христианского мистика состоянии мистического единения с Богом – *unio mystica*, окончательно открывающегося в смерти, которая и становится подлинным рождением души. Здесь, несомненно, содержатся отзвуки идей Я. Бёме о преодолении «самости» (*Ichheit*) как пути освобождения места воле Божьей в душе человека, а также учения И. Таулера и Я. Бёме о «внутреннем» (подлинно духовном) и «внешнем» (телесном) человеке, восходящего к апостолу Павлу.

Лучшие стихотворения Флеминга выражают бесконечное, говоря словами Экклесиаста, «томление духа», рисуют сложнейшую картину человеческой души, пытающейся постичь смысл этой жизни:

*Зачем я одержим духовным этим гладом,
Пытаясь в суть вещей проникнуть алчным взглядом?
Зачем стремлением мой ум воспламенен
Прозреть событий связь и сложный ход времен?
Когда б постиг я все искусства и науки,
Все золото земли когда б далось мне в руки,
Когда бы я – поэт – в отечестве моем
Некоронованным считался королем,
Когда б (чего ни с кем доселе не бывало)
Не дух, а плоть мою бессмертье ожидало,
И страха смертного я сбросил бы ярем, –
Могли бы вы сказать: «Он обладает всем!»
Но что такое «всё» среди земной печали?
Тень призрака. Конец, таящийся в начале.
Шар, полный пустоты. Жизнь, данная нам зря.
Звук отзвука. Ничто, короче говоря* [18, с. 84].

Нетрудно заметить, что Флеминг исходит из того же тезиса, что и Экклесиаст, – о невозможности окончательного рационального объяснения мира, проникновения в сущность вещей, из мысли о том, что «умножающий знание печаль умножает» (*Еккл 1:18*) [21, с. 43]. Одно только, утверждает поэт, мы

¹⁰ «Прочь, мир, ты чад; отныне взмываю ввысь, / свободный, одинокий, избавленный, высоко над собой и тобой, / и всем тем, что зовется высоким и называется тобою. // Высшее Благо наполняет меня собой, / делает высоким, делает богатым. Я больше не я – / Вопреки тому, что меня в меня назад вырывает!»

понимаем до конца: бренность и относительность нашей земной жизни, ее тщетность. Горькое определение *ничто*, отсылающее к главному эkkлeсиастовскому концепту, венчает стихотворение, как приговор.

Не менее сложная картина духовной и душевной жизни человека предстает в стихотворении «Спор с самим собой». В нем не только акцентированы барочные парадоксы, контрасты, антиномичность, принцип *discordia concors*, но и ярко преломляются жанровые черты диатрибы, свойственные Эkkлeсиасту, часто ведущему спор с самим собой:

*Напрасен весь мой труд, но, в исступленье страстном,
Я только и живу трудом своим напрасным,
Как если бы я был с рассудком не в ладу.
Так я с самим собой безмолвный спор веду.
С самим собой мирюсь и снова в бой вступаю,
Себя себе продаю, себя я покупаю.
И мой заклятый враг в сей призрачной войне
То валит с ног меня, то поддается мне...
Я сам – свой друг и враг. Во мне ведут сраженья
Война и мир... Когда ж, устав в изнеможенье,
Плоть просит отдыха, мой ошалевший дух,
Из тела вырвавшись, как молодой петух,
Кричит, беснуется и – неразумный кочет, –
Где надо бы рыдать, неистово хохочет [18, с. 84–85].*

Некоторые стихотворения Флеминга обнаруживают удивительные параллели с поэзией Дж. Донна, особенно с его философией смерти, с осмыслением смерти как пути к подлинной жизни. Кроме того, важны мотивы внутреннего борения, преодоления тщеты в себе, жажды полного слияния с Богом, выраженные религиозно-философским и одновременно любовно-эротическим языком, сходным с языком «Священных сонетов» Донна. Прекрасным примером такого стихотворения, чрезвычайно показательного для поэтики барокко и содержащего в себе, помимо апелляции к евангельским смыслам, аллюзии на Книгу Эkkлeсиаста, является «Озарение» («Andacht») Флеминга:

*Ich lebe, doch nicht ich; derselbe lebt in mir;
der mir durch seinen Tod das Leben bringt herfür.
Mein Leben war sein Tod, sein Tod war mir mein Leben,
nur geh' ich wieder ihm, was er mir hat gegeben.
Er lebt durch meinen Tod, mir sterb' ich täglich ab.
Der Leib, mein irdnes Teil, der ist der Seelen Grab,
er lebt nur auf den Schein. Wer ewig nicht wil sterben,
der muß hier in der Zeit verwesen und verderben,
weil er noch sterben kan. Der Tod, der geistlich heißt,
der ist alsdann zu spat, wann uns sein Freund hinreißt,
der unsern Leib bringt um. Herr, gieb mir die Genade,
daß dieses Leibes Brauch nicht meiner Seelen schade.
Mein Alles und mein Nichts, mein Leben, meinen Tod,
das hab' ich bei mir selbst. Hilfst du, so hats nicht Not.
Ich wil, ich mag, ich sol, ich kan mir selbst nicht raten,
dich wil ichs lassen tun, du hast bei dir die Taten.
Die Wünsche tu ich nur, ich lasse mich ganz dir.
Ich wil nicht meine sein. Nim mich nur, gieb dich mir!*
[17, S. 29–30].

*Я жив. Но жив не я. Нет, я в себе таю
Того, Кто дал мне жизнь в обмен на смерть Свою.
Он умер, я воскрес, присвоив жизнь Живого.
Теперь ролями с Ним меняемся мы снова.
Моей Он смертью жив. Я отмираю в Нем.
Плоть – склеп моей души – ветшает с каждым днем.
Обманчив жизни блеск. Кто к смерти не стремится,
Тому под бременем скорбей не распрямиться!
Страшитесь, смертные, дух променять на плоть!
От искушения избавь меня, Господь!
Постиг всем существом я высшую идею:
Все то, чего лишен, и все, чем я владею,
И смерть моя, и жизнь со смертью наравне,
Смысл и бессмыслица содержатся во мне!
Какое же принять мне следует решение?
Я смею лишь желать. Тебе дано свершение.
Освободив мой ум от суетной тщеты,
Возьми меня всего и мне предайся Ты!*

[18, с. 85].

В первых двух строках стихотворения речь, конечно же, идет о Сыне Божьем, Его воплощенном Слове – Иисусе Христе, в слиянии с которым христианин рождает в себе «внутреннего человека» и обретает вечную жизнь. Акцентируя суетность и тщету человеческой жизни, Флеминг, как и многие поэты его эпохи, видит избавление от них в жизни вечной, открывающейся в смерти, во всепоглощающей любви к Богу, Которого человек обретает в себе самом. В брэнной земной жизни человек должен учиться преодолевать свою «самость» и помнить о данной ему свободе нравственного выбора: *Mein Alles und mein Nichts, mein Leben, meinen Tod, / das hab' ich bei mir selbst* («Мое все и мое ничто, моя жизнь, моя смерть, / это все во мне самом»). Об этой же антиномичности человека, содержащего в себе смысл и бессмыслицу, вечность и тщету, жизнь и смерть, размышляет и Эkkлeсиаст.

О свободе воли, верности человека самому себе Флеминг говорит в одном из лучших своих сонетов – «К себе» («An Sich»). Это название отсылает к знаменитому трактату Марка Аврелия «К самому себе», одной из настольных книг неостоиков:

*Sey dennoch unverzagt. Gieb dennoch unverlohren.
Weich keinem Glücke nicht. Steh' höher als der Neid.
Vergnüge dich an dir und acht es für kein Leid
hat sich gleich wieder dich Glück', Ort und Zeit verschworen.*
*Was dich betrübt und labt, halt alles für erkohren.
Nimm dein Verhängnüss an. Lass' alles unbetreut.
Thu, was gethan muss seyn, und eh man dirs gebeut.
Was du noch hoffen kanst, das wird noch stets gebohren.*
*Was klagt, was lobt man doch? Sein Unglück und sein Glücke
ist ihm ein ieder selbst. Schau alle Sachen an.
Diss alles ist in dir, lass deinen eiteln Wahn,
und eh du förder gehst, so geh' in dich zu rücke.
Wer sein selbst Meister ist und sich beherrschen kan,
dem ist die weite Welt und alles unterthan*¹¹ [17, S. 472].

Приведем перевод Л. Гинзбурга:

*Будь тверд без черствости, приветлив без жеманства,
Встань выше зависти, довольствуйся собой!
От счастья не беги и не считай бедой
Коварство времени и сумрачность пространства.*
*Ни радость, ни печаль не знают постоянства:
Чередование их предрешено судьбой.
Не сожалей о том, что сделано тобой,
А исполняй свой долг, чураясь окаянства.*
*Что славить? Что хулить? И счастье и несчастье
Лежат в тебе самом!.. Свои поступки взвесь!
Стремясь вперед, взгляни, куда ты шел поднесь.*
*Тому лишь, кто, презрев губительную спесь,
У самого себя находится во власти,
Подвластна будет жизнь, мир покорится весь!* [18, с. 82–83].

Перед нами яркий манифест эпохи неостоицизма: главную этическую задачу человека поэт видит в сохранении целостности своего Я, верности самому себе, ответственности перед собой и миром. Стоическое понятие Постоянства (*Constantia*) реализуется уже через энергичные императивы, которыми насыщен в оригинале первый катрен. Переводчику в основном удалось это сохранить, но при этом «выпало» важное по смыслу выражение «пребудь непотерянным». Зато Л. Гинзбург совершенно точно передает столь важный призыв поэта: *Vergnüge dich an dir.. (Довольствуйся собой!)*. В этой фразе выражена ключевая позиция стоической философии: истинный мудрец довольствуется малым и живет в согласии с самим собой, принимая в равной степени как удары, так и дары судьбы. Чрезвычайно важной является для Флеминга также мысль о том, что истинные причины и счастья, и несчастья – не вовне, но внутри человека (это вполне соответствует позиции библейских пророков, предлагавших искать причину несчастий в себе самом, выдвинувших этический критерий в оценке судьбы человека и исторической судьбы народа). Именно поэтому поэт призывает прежде всего всмотреться в себя самого, понять себя.

¹¹ «И все-таки мужайся [не падай духом]. Не дай себе потеряться [пребудь непотерянным]. / Не уклоняйся от счастья. Встань выше зависти. / Довольствуйся собой и не считай бедой то, / что против тебя в равной степени счастье, место и время вступили в заговор. // Что тебя печалит и услаждает – все принимай, как избрание. / Прими свое прошлое. Не сожалей ни о чем. / Делай то, что должно, и раньше, чем этого от тебя потребуют. / То, на что ты надеешься, всегда свершится. // На что же жаловаться? Что же хвалить? Счастье и несчастье каждого – / В нем самом. Посмотри на все вещи [дела]. / Все это в тебе, оставь свой тщетный самообман [тщетное заблуждение], // и, прежде чем ты дальше пойдешь, вернись к себе самому. / Кто сам себе мастер и может господствовать над собой, / тому широкий мир и всё покорится».

Не менее важен для Флеминга, как и для стоицизма и неостоицизма, пафос морального долга. Он вполне знаком и Экклесиасту: *Сей семена с утра и рук до вечера не покладай, / Ибо ты не знаешь, что удастся – то или это...* (Еккл 11:6) [21, с. 63]. Согласно идее Флеминга, секрет жизненного успеха в этой непредсказуемой жизни заключается в умении победить самого себя, подчинить себя необходимости, ставшей внутренним выбором. Это заставляет вспомнить не только слова Спинозы о свободе как «осознанной необходимости», но и размышления Бен-Сиры, акцентирующего свободу воли, данную Богом человеку: *Он [Бог] от начала сотворил человека и оставил его в руке произволения его. // Если хочешь, соблюдеши заповеди и сохраниши благоугодную верность. // Он предложил тебе огонь и воду: на что хочешь, прострешь руку твою. // Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему* (Сир 15:14–17; Синодальный перевод).

Чтобы стать «мастером самому себе», необходимо, согласно Флемингу, расстаться с суестью, тщеславием, «тщетным самообманом», «пустыми иллюзиями». *Eitel* – знаковое слово, отсылающее к топике Экклесиаста, ведь именно оно в Лютеровской Библии становится главным эквивалентом слова *hābāl* и имеет те же оттенки: «преходящее», «пустое», «ложное», «ничто», «суесть», «тщета». *Das ist auch eitel* 'Это также тщета [суесть]', – повторяется в немецком переводе Экклесиаста. *Es ist alles ganz eitel, sprach der Prediger, es ist alles ganz eitel* (Pred 1:2) [22, S. 657]. В некоторых случаях с тем же значением употребляется существительное от того же корня: *Eitelkeit: Denn je mehr Worte, desto mehr Eitelkeit...* (Pred 6:11) [22, S. 661].

Достоинство человека, считает Флеминг, и заключается в его способности преодолеть тщету – прежде всего в себе самом, не соблазняться суетными благами, иллюзиями, обилием слов, за которыми не стоят никакие дела или – еще хуже – стоят дурные поступки. Поэтому поэт формулирует, призывая к действию: *Thu, was gethan muss seyn, und eh man dirs gebeut* 'Делай, что должен делать, и раньше, чем от тебя этого потребуют'. Это можно поставить в параллель призыву Экклесиаста: *Все, что готова рука твоя делать, в меру сил твоих делай, / Ибо нет ни дела, ни замысла, ни мудрости, ни знания / В преисподней, куда ты уходишь* (Еккл 9:10) [21, с. 60]. В немецком переводе это передано следующим образом: *Alles, was dir vor die Hände kommt, es zu tun mit deiner Kraft, das tu; denn bei den Toten, zu denen du fährst, gibt es weder Tun noch Denken, weder Erkenntnis noch Weisheit* (Pred 9:10) [22, S. 663].

Вслед за Экклесиастом Флеминг размышляет о проблеме времени и о том, как выстоять человеку в потоке быстротекущего времени и его вечном круговороте: *Auch weiss der Mensch seine Zeit nicht...* (Pred 9:12) [22, S. 663] – 'Также не знает человек своего времени...' (Еккл 9:12) (ср.: *Так и человек не знает срока...* [21, с. 60]). Кажется, откликом на эти слова библейского мудреца становится стихотворение Флеминга «Мысли о времени» («Gedanken über der Zeit»; в переводе Л. Гинзбурга – «Размышление о времени»):

*Ihr lebet in der Zeit und kennt doch keine Zeit,
So wisst Ihr Menschen nicht von und in was Ihr seyd.
Diss wisst Ihr, dass ihr seyd in einer Zeit gebohren.
Und dass ihr werdet auch in einer Zeit verlohren.
Was aber war die Zeit, die euch in sich gebracht?
Und was wird diese seyn, die euch zu nichts mehr macht?
Die Zeit ist was und nichts. Der Mensch in gleichem Falle.
Doch was dasselbe was und nichts sey zweifeln alle.
Die Zeit die stirbt in sich und zeucht sich auch aus sich.
Diss kömmt aus mir und dir, von dem du bist und ich.
Der Mensch ist in der Zeit; sie ist in ihm ingleichen.
Doch aber muss der Mensch, wenn sie noch bleibet, weichen.
Die Zeit ist, was ihr seyd, und ihr seyd, was die Zeit,
Nur dass ihr Wenger noch, als was die Zeit ist, seyd.
Ach dass doch jene Zeit, die ohne Zeit ist kähme,
Und uns aus dieser Zeit in ihre Zeiten nähme.
Und aus uns selbst uns, dass wir gleich köndten seyn,
Wie der itzt jener Zeit, die keine Zeit, geht ein!¹² [17, S. 30].*

¹² Вы живете во времени и все-таки не знаете времени. / Так не знаете вы, люди, о себе и о том, что с вами будет. / Также не знаете вы, почему в какое-то время родились, / И не знаете, в какое время уйдете. / Что за время было, которое вас в себе принесло? / И чем будет то, которое вас сделает ничем? / Время – это нечто и ничто. Человек похож на него. / И все же как одно и то же может быть чем-то и ничем, сомневаются все. / Время, которое умирает в себе и вытягивает себя из себя. / Из меня и тебя приходит то, из которого появились ты и я. / Человек находится во времени; одновременно оно – в нем. / Но все-таки должен человек, если оно еще остается, отступить [подчиниться]. / Время есть то, что вы есть, и вы есть то, что время, / Только не становитесь меньше, чем ваше время. / Ах, когда же придет то время, которое без времени, / И нас из этого времени в свои времена возьмет. / И из нас собственно нас уведет, чтобы мы подобными смогли стать Тому, / Кто есть Тот, для Кого время – не время'.

Стихотворение представляет собой, как это часто бывает у Флеминга, самый настоящий философский трактат, написанный к тому же с неотразимой художественной силой. Размышляя о времени, поэт справедливо говорит, что это одна из самых больших загадок для человека, в равной степени как и «время без времени» – вечность. Человеку дано знать о ней и стремиться к ней, но живет он во времени, которое к тому же необратимо. Оно неумолимо влечет человека к уходу из времени, и порой он не успевает даже понять, для чего же пришел на землю. Время – нечто неуловимое, неосязаемое, и вместе с тем оно определяет все. «Время – это нечто и ничто». Поэт мудро замечает, что мы, люди, в этом смысле похожи на время, в зависимости от того, какой след мы оставляем в нем. Флеминг приходит к глубокому осмыслению самого понятия «время» не как чего-то, существующего только извне и определяющего человека, но проходящего также сквозь человека и определяемого им. Мы живем во времени, а время – в нас; нас определяет время, но мы – его: *Der Mensch ist in der Zeit; sie ist in ihm ingeleichen* ‘Человек – во времени, равно как и оно – в нем’. Тем самым поэт утверждает величайшую ответственность каждого человека перед своим временем и своей эпохой. Смысл же любому быстротекущему времени, как и историческому времени вообще, придает для человека знание, что он когда-нибудь перешагнет границу времени и приобщится к вечности – предстанет перед Богом, Который неподвластен времени, Который Сам – Творец времени. Именно смерть выводит из человека его подлинное Я – «собственно нас», т. е. «внутреннего человека», освобождая его от «человека внешнего».

Многочисленными нитями «Мысли о времени» связаны с размышлениями Экклесиаста о смысле бренной человеческой жизни, загадке ускользающего времени, в котором человек чаще всего не знает, не может понять, чему пришло время, которое к тому же кажется повторяющимся, вращающимся по кругу:

Всему свой час, и время всякому делу под небесами: // Время родиться и время умирать, / Время насаждать и время вырывать насаждения, // Время убивать и время исцелять, / Время разрушать и время строить, // Время плакать и время смеяться, / Время рыданий и время пляске, // Время разбрасывать камни и время складывать камни, / Время обнимать и время избегать объятий, // Время искать и время терять, / Время хранить и время тратить, // Время рвать и время шивать, / Время молчать и время говорить, // Время любить и время ненавидеть, / Время войне и время миру (Еккл 3:1–8) [21, с. 46–47].

Труднее всего, рассуждает библейский мудрец, постичь тайну своего времени, попасть в ногу со временем. Но именно человеку определена Творцом и более сложная задача – выходить мыслью за пределы своего времени, своего краткого существования, обнимать собою вечность и стремиться к ней:

Я увидел задачу, которую дал Бог решать сынам человека: Сделал он так, чтобы все было прекрасным в свой срок, / Но и вечность вложил им в сердце: / Чтоб дела, творимые Богом, / От начала и до конца не мог постичь человек (Еккл 3:10–11) [21, с. 47].

Концепция времени, предстающая в Книге Экклесиаста, антиномична и диалектична, как и в Библии в целом. Библия впервые размыкает замкнутый круг циклического языческого времени, впервые открывает время как осмысленное, направленное движение, а вместе с этим – и смысл истории, идущей через падения и взлеты к осуществлению Божественного Добра во всемирном масштабе, к Мессианской эре. Таково понимание времени и в Ветхом, и в Новом Завете, но в последнем чувство близящегося преобразования мира выражено еще более отчетливо и обостренно. У Экклесиаста уже в первой главе мы находим размышления о вечном круговращении мироздания, «вечном возвращении». Однако то, что являлось позитивным для языческой (особенно эллинской) мысли, вызывает у библейского мудреца горький скепсис и страдания: в повторяемости всего, в том числе и человеческих благоглупостей, теряется смысл. Как справедливо замечает С. С. Аверинцев, «автор книги мучительно сомневается, а значит, остро нуждается не в мировой гармонии, но в мировом смысле. Его тоска – как бы подтверждение от противного той идеи поступательного, целесообразного движения, которая так важна и характерна для древнееврейской литературы в целом» [23, с. 296]. Таким образом, Экклесиаст, которого часто именуют скептиком и считают выбивающимся из общей библейской традиции, верен духу Библии – духу осмысленного движения времени, устремленного в будущее, к Миру Грядущему (*Олам га-ба*), обретающего окончательный смысл в Царстве Божьем (*Малькут Элоhim*). Эта идея соединяет Ветхий и Новый Заветы, в единстве которых существует христианское Священное Писание (как писал Августин Блаженный, *Новый Завет в Ветхом скрывается, / Ветхий – в Новом открывается*). Подчеркнем, что именно для барокко концепция времени, представленная в Книге Экклесиаста, как и его скепсис и концептуальное мышление, оказываются чрезвычайно актуальными.

Размышляя над загадкой времени, Флеминг в своем поэтическом шедевре в большей степени в сравнении с Экклесиастом акцентирует зависимость времени от человека и ответственность последнего перед временем. Стихотворение построено на мастерской игре со словом «время» (*die Zeit*), которое обретает новые и неожиданные смысловые оттенки в зависимости от контекста, от того или иного поворота мысли поэта. Эту игру постарался сохранить Л. Гинзбург в своем переводе, хотя какие-то смысловые оттенки неизбежно утратились:

*Во времени живя, мы времени не знаем.
Тем самым мы себя самих не понимаем.
В какое время мы, однако, родились?
Какое время нам прикажет: «Удались!»
А как нам распознать, что наше время значит
И что за будущее наше время прячет?
Весьма различны времена по временам:
То нечто, то ничто – они подобны нам.
Изжив себя вконец, рождает время время.
Так продолжается и человеческое племя.
Но время времени нам кажется длинней
Коротким временем нам отведенных дней.
Подчас о времени мы рассуждаем с вами.
Но время это – мы! Никто иной. Мы сами!
Знай: время без времен когда-нибудь придет
И нас из времени насильно уведет,
И мы, самих себя сваливши с плеч, как бремя,
Предстанем перед Тем, над Кем не властно время [18, с. 83].*

Заключение

Поэзия П. Флеминга, отличающаяся необычайной философской глубиной, емкостью и выразительностью слова, намного пережила свое время, навсегда вошла в историю немецкой и мировой литературы. Поэту помог глубоко выразить свое время и выйти на уровень вечности диалог с Экклесиастом, многомерно преломляющийся в его творчестве, прежде всего на идейно-философском уровне. Именно Флеминг больше других немецких поэтов тяготеет к постановке таких антиномичных – в духе Экклесиаста – проблем бытия, как абсурдность мира и скрытый за нею великий смысл, трагизм бытия и его непреходящая красота, краткость жизни и ценность каждого ее мгновения, слабость человека и великая сила его духа. Как и библейский мудрец, П. Флеминг перед лицом очевидной бессмысленности жизни ищет ее смысл и обретает его в честном труде, дружбе, любви, в верности Богу и самому себе. Этическая задача человека – преодолев «самость», обрести внутри себя «собственно себя», «внутреннего человека» (в этом плане на Флеминга оказывает влияние учение Майстера Экхарта, Иоганна Таулера и особенно Якоба Бёме о «внешнем» и «внутреннем» человеке, восходящее к апостолу Павлу). В отличие от Экклесиаста, скепсис которого столь тотален, что он сомневается, можем ли мы знать что бы то ни было о загробной жизни (хотя и говорит о возвращении человеческого духа к Богу и о Суде Божьем), поэт Нового времени находит опору и утешение в мысли о вечной жизни, открывающейся в смерти. При этом, как и Экклесиаст, Флеминг призывает радоваться каждому мгновению краткой земной жизни и наполнять его смыслом. Пафос нравственного долга и веры, вопреки очевидной абсурдности мира, объединяет библейского мудреца и немецкого поэта.

В отличие от многих поэтов XVII в. у Флеминга практически нет прямых обращений к Книге Экклесиаста – парафраз, переложений, цитат (кроме знаменитого *Alles ist eitel* ‘все суетно [тщетно]’). Библейский текст чаще всего присутствует в текстах Флеминга имплицитно, с помощью аллюзий, которые вводятся знаковыми словами-концептами, отсылающими к Экклесиасту. В первую очередь это слова *eitel* и *Eitelkeit*, несущие в себе тот же спектр значений, что и генеральный экклесиастовский концепт *hābāl* ‘дуновение’, ‘бренность’, ‘суета’, ‘тщета’, ‘абсурдность’. Как и у Экклесиаста, этот концепт несет в себе как нейтральные физические характеристики (хрупкость всего материального, обреченность на гибель), так и метафизические, связанные с аксиологическими коннотациями: мир абсурден и фальшив, не соответствует Божественному замыслу прежде всего по вине человека. Как и у Экклесиаста, важнейшими концептами поэзии Флеминга являются «человек», «Бог», «время», «вечность». Всю его религиозно-философскую лирику, как и Книгу Экклесиаста, можно определить как поэму о человеке – человеке как таковом, о его месте во времени и вечности. Проблема времени и его соотношения с веч-

ностью наиболее глубоко исследуется немецким поэтом. Флеминг приходит к открытию, что время не только определяет человека, но и зависит от него, определяется им. Только бранный человек способен ощутить в себе вечность и преобразовать в нее летучее мгновение жизни – в этом единодушны и древнееврейский поэт, и его отдаленный во времени последователь. Можно утверждать, что Книга Экклесиаста является одним из важнейших архетекстов поэзии П. Флеминга – смысло- и текстопорождающим текстом, «на полях» которого он выстраивает свой художественный мир. Очевидна не только архе-, но и архитектуральная роль Экклесиаста в лирике П. Флеминга: это поэзия философских размышлений, лирических медитаций над важнейшими экзистенциальными проблемами, сохраняющими свою актуальность и сейчас.

Библиографические ссылки

1. Синило ГВ. Книга Экклесиаста как «осевой» архетекст поэзии барокко. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;2:5–16.
2. Entner H. *Paul Fleming – Ein deutscher Dichter im Dreißigjährigen Krieg*. Leipzig: Philipp Reclam; 1989. 592 S.
3. Pohl MC. *Paul Fleming. Ich-Darstellung, Übersetzungen, Reisegedichte*. Münster & Hamburg: Lit; 1993. 325 S.
4. Pietraß R, Herausgeber. *«Ich bin ein schwaches Boot ans große Schiff gegangen. Die Lebensreise des Paul Fleming in seinen schönsten Gedichten»*. Mit Grafiken und Lesarten sächsischer Bildkünstler und Dichter. Halle (Saale): Projekte-Verlag Cornelius; 2009. 164 S.
5. Tarvas M, Herausgeber. *Paul Fleming und das literarische Feld der Stadt Tallinn in der Frühen Neuzeit: Studien zum Sprach-, Literatur- und Kulturkontakt einer Region*. Würzburg: Königshausen & Neumann; 2011. 252 S.
6. Arend S, Sittig C, Herausgeber. *Was ein Poëte kan! Studien zum Werk von Paul Fleming (1609–1640)*. Berlin & Boston: De Gruyter; 2012. 477 S.
7. Пуришев БИ. *Очерки немецкой литературы XV–XVII вв.* Москва: Государственное издательство художественной литературы; 1955. 391 с.
8. Пуришев БИ. *Немецкая литература*. В: Виппер ЮБ, Гринцер ПА, Лихачев ДС, Ржевская НФ, Рифтин БЛ, Робинсон АН, редакторы. *История всемирной литературы. Том 4*. Москва: Наука; 1987. с. 235–265.
9. Пумпянский ЛВ, Алексеев МП. Ранний классицизм. М. Опиц и поэты его школы. В: Пуришев БИ, Самарин РМ, Фрадкин ИМ, редакторы. *История немецкой литературы. Том 1*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1962. с. 364–375.
10. Майданов АГ. *Пауль Флеминг. Жизнь и творчество, первый опыт положительного восприятия реалий русской действительности в Западной Европе* [диссертация]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 1992. 207 с.
11. Шаулов СМ. Концепция человека в лирике Пауля Флеминга: опиианство и мистицизм. *Балтийский филологический курьер*. 2003;3:215–230.
12. Шаулов СМ. Петраркизм в час рождения немецкой поэзии: Мартин Опиц и Пауль Флеминг. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология, востоковедение, журналистика*. 2007;4 (часть 2): 82–86.
13. Шаулов СМ. *Мистицизм поэзии и поэзия мистики: Якоб Бёме и рождение немецкой поэзии: концепция человека и мира*. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет; 2007. 250 с.
14. Рахманина ОС. *Немецкая поэзия XVII века: теория и художественная практика* [диссертация]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 2002. 129 с.
15. Михайлов АВ. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи. В: Гринцер ПА, редактор. *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*. Москва: Наследие; 1994. с. 326–391.
16. Михайлов АВ. *Избранное. Завершение риторической эпохи*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2007. 480 с.
17. Fleming F. *Deutsche Gedichte*. [Internet]. Stuttgart: Lappenberg; 1865 [cited 2019 April 18]. Available from: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Fleming,+Paul/Gedichte/Deutsche+Gedichte/Poetische>.
18. Гинзбург Л, переводчик, составитель. *Немецкая поэзия XVII века*. Москва: Художественная литература; 1976. 208 с.
19. Нирк ЭИ. Эстонская литература. В: Виппер ЮБ, Гринцер ПА, Лихачев ДС, Ржевская НФ, Рифтин БЛ, Робинсон АН, редакторы. *История всемирной литературы. Том 4*. Москва: Наука; 1983. с. 381–383.
20. Синило Г В. *Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре. Часть 1*. Минск: Белорусский государственный университет; 2012. 220 с.
21. Дьяконов ИМ, Коган ЛЕ, Маневич ЛВ, переводчики, редакторы. *Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 1998. 304 с.
22. *Die Bibel: nach der Übersetzung Martin Luther, mit Apokryphen*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft; 1999. 1291 S.
23. Аверинцев СС. Древнееврейская литература. В: Виппер ЮБ, Гринцер ПА, Лихачев ДС, Ржевская НФ, Рифтин БЛ, Робинсон АН, редакторы. *История всемирной литературы. Том 1*. Москва: Наука; 1987. с. 271–302.

References

1. Sinilo GV. The Book of Ecclesiastes as «axial» archetext of the baroque poetry. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;2:5–16. Russian.
2. Entner H. *Paul Fleming – Ein deutscher Dichter im Dreißigjährigen Krieg*. Leipzig: Philipp Reclam jun.; 1989. 592 S.
3. Pohl MC. *Paul Fleming. Ich-Darstellung, Übersetzungen, Reisegedichte*. Münster & Hamburg: Lit; 1993. 325 S.

4. Pietraß R, Herausgeber. «*Ich bin ein schwaches Boot ans große Schiff gegangen. Die Lebensreise des Paul Fleming in seinen schönsten Gedichten*». Mit Grafiken und Lesarten sächsischer Bildkünstler und Dichter. Halle (Saale): Projekte-Verlag Cornelius; 2009. 164 S.
5. Tarvas M, Herausgeber. *Paul Fleming und das literarische Feld der Stadt Tallinn in der Frühen Neuzeit: Studien zum Sprach-, Literatur- und Kulturkontakt einer Region*. Würzburg: Königshausen & Neumann; 2011. 252 S.
6. Arend S, Sittig C, Herausgeber. *Was ein Poëte kan! Studien zum Werk von Paul Fleming (1609–1640)*. Berlin & Boston: De Gruyter; 2012. 477 S.
7. Purishev BI. *Ocherki nemetskoi literatury XV–XVII vekov* [Essays of German literature of the 15th–17th centuries]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury; 1955. 391 p. Russian.
8. Purishev BI. [German literature]. In: Vipser JuB, Grintser PA, Likhachiov DS, Rzhetskaya NF, Riftin BL, Robinson AN, editors. *Istoriya vsemirnoi literatury. Tom 4* [History of world literature. Volume 4]. Moscow: Nauka; 1987. p. 235–265. Russian.
9. Pumpianskiy LV, Alekseev MP. [Early classicism. M. Opitz and the poets of his school]. In: Purishev BI, Samarin RM, Fradkin IM, editors. *Istoriya nemetskoi literatury. Tom 1* [The history of German literature. Volume 1]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1962. p. 364–375. Russian.
10. Maidanov AG. *Paul Fleming. Zhizn' i tvorchestvo, pervyi opyt polozhitel'nogo vospriyatiya realii russkoi deistvitel'nosti v Zapadnoi Evrope* [Paul Fleming. Life and creative work, the first practice of positive perception of Russian reality in Western Europe] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1992. 207 p. Russian.
11. Shaulov SM. The concept of man in Paul Fleming's lyric poetry. *Baltiiskiy filologicheskii kur'er*. 2003;3:215–230. Russian.
12. Shaulov SM. Petrarchism in the time of birth of German poetry: Martin Opitz and Paul Fleming. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya, vostokovedeniye, zhurnalistika*. 2007;4(part 2):82–86. Russian.
13. Shaulov SM. *Mistitsizm poezii i poeziya mistiki: Jakob Boehme i rozhdenie nemetskoi poezii: kontseptsiya cheloveka i mira* [The Mysticism of poetry and the poetry of mystic: Jakob Bohme and the birth of German poetry: the concept of man and the world]. Ufa: Bashkirian State Pedagogical University Press; 2007. 250 p. Russian.
14. Rakhmanina OS. *Nemetskaya poeziya XVII veka: teoriya i khudozhestvennaya praktika* [German poetry of the XVII century: theory and artistic practice] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2007. 129 p. Russian.
15. Mikhailov AV. [Poetics of Baroque. The completion of rhetorical epoch]. In: Grintser PA, editor. *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya* [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic awareness]. Moscow: Nasledie; 1994. p. 326–391. Russian.
16. Mikhailov AV. *Izbrannoe. Zavershenie ritoricheskoi epokhi* [Elected works. The completion of rhetorical epoch]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press; 2007. 480 p. Russian.
17. Fleming F. *Deutsche Gedichte* [Internet]. Stuttgart: Lappenberg; 1865 [cited 2019 April 18]. Available from: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Fleming,+Paul/Gedichte/Deutsche+Gedichte/Poetische>.
18. Ginsburg L, translator, editor. *Nemetskaya poeziya XVII veka* [German poetry of XVII century]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura; 1976. 208 p. Russian.
19. Nirk EI. *Estoniskaya literatura* [Estonian literature]. In: Vipser JuB, Grintser PA, Likhachiov DS, Rzhetskaya NF, Riftin BL, Robinson AN, editors. *Istoriya vsemirnoi literatury. Tom 4* [History of world literature. Volume 4]. Moscow: Nauka; 1987. p. 381–383. Russian.
20. Sinilo GV. *Ekklesiast i ego retseptsiya v mirovoi kul'ture. Chast' I* [Ecclesiastes and its reception in world culture. Part 1]. Minsk: Belarusian State University; 2012. 220 p. Russian.
21. Diakonov IM, Kogan LE, Manevitsh LV, translators, editors. *Vetkhii Zavet: Plach Ieremii; Ekklesiast; Pesn' Pesnei* [The Old Testament: Lamentations of Jeremiah; Ecclesiastes; Song of Songs]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 1998. 304 p. Russian.
22. *Die Bibel: nach der Übersetzung Martin Luther, mit Apokryphen*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft; 1999. 1291 S.
23. Averintsev SS. [Hebrew Literature]. In: Vipser JuB, Grintser PA, Likhachiov DS, Rzhetskaya NF, Riftin BL, Robinson AN, editors. *Istoriya vsemirnoi literatury. Tom 1* [History of world literature. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1987. p. 381–383. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.02.2019.
Received by editorial board 28.02.2019.